

На рубеже XX–XXI веков перед современным литературоведением вновь возникла задача выработки общепринятой, целостной концепции наследия одного из самых культовых писателей советской эпохи. Советское горьковедение оставило огромное количество работ, посвященных его творчеству. Но поскольку советскими исследователями Горький воспринимался в первую очередь как пролетарский, революционный писатель, основоположник социалистического реализма, это обусловило заданность некоторых идей и установок и определило односторонность толкования многих проблем. Так, определяя художественный метод ранней прозы, большинство исследователей сходилось на том, что в творчестве Горького сочетаются, последовательно соединяясь или параллельно сосуществуя, реалистическое и романтическое начало [3, 4, 6 и др.]. Надо сказать, что подобная точка зрения сохранилась и в новейших исследованиях [1, 11]. Но, наряду с этим, некоторые современные ученые высказывают иные мнения. Например, Дж. Браун, исследуя новеллистику Горького 20-х годов, приходит к выводу, что на его творчество значительное влияние оказал символизм [2].

На этом фоне особенно интересны наблюдения, сделанные дореволюционными критиками. Так, А. Скабичевский полагал, что творчество писателя нельзя причислять ни к реализму, ни к модернизму, поскольку оно «представляет собою явление совершенно своеобразное, имеющее очень мало точек соприкосновения с привычными нам литературными традициями...» [10:936]. Действительно, восприятие произведений Горького как «новой» литературы кажется наиболее адекватным. При этом продуктивным представляется анализ раннего творчества писателя в соотношении не только и не столько с традициями реализма и романтизма, сколько с литературой модернизма и массовой литературой рубежа веков.

Исследование ранней прозы Горького позволило сделать выводы о том, что наиболее репрезентативные произведения Горького 1890-х годов относятся к малой прозе [7, 8, 9]. Они объединяются в идейно-художественные единства – неавторские циклы (рас-

сказы на литературно-эстетические темы, условная проза, календарная проза, рассказы о босяках), произведения каждого из которых объединяет жанр, тип героя, тематика, проблематика и система мотивов. Анализ специфики поэтики и взаимодействия этих циклов выявляет характернейшие особенности поэтического мира ранней прозы Горького.

Первое десятилетие творческой деятельности писателя совпало с чрезвычайно важным, внутренне многообразным и сложным периодом в развитии русской литературы. 1890-е годы стали переломными и переходными от классической парадигмы к модернизму. В это время Горький, как и многие другие писатели, ищет свои пути в искусстве, с самого начала творческой деятельности пытаясь выработать собственную систему взглядов на важнейшие проблемы эстетики: взаимодействие литературы и действительности, жизнеподобия и фантастики, правды и лжи, предназначения литературы, ее воздействие на людей и другие. О поиске своего понимания литературы и своего места в ней свидетельствуют как статьи начинающего писателя, так и более многочисленные рассказы («О чиже, который лгал, и о дятле – любителе истины», «Об одном поэте», «Читатель» и др.).

Первый же рассказ – «Макар Чудра» – дерзкий вызов всей реалистической литературе XIX века. Беседуя с рассказчиком, Чудра высказывает целый ряд скандальных суждений, решительно выступая против основ реалистической эстетики. Писатель критично оценивает не только предшествующую традицию, но и современную литературно-общественную жизнь, в частности, резко высказывается против массовой беллетристики (рассказы «Как меня отбрили», «О беспокойной книге» и др.). В связи с этим настойчиво звучат мотивы бессилия искусства, веры и неверия, оппозиция современный поэт/истинный творец и т.д.

Стремление к синтезу художественных, религиозно-философских, публицистических, литературно-критических и других жанров было характерной чертой культуры «серебряного века». Художественная проза «оснащалась» философско-эстетическим фундаментом, а публицистика и литературная кри-

тика эстетизировалась и тяготела к эссеистике. Особенно интенсивно эстетизировались религиозно-философские штудии символистов и близких им деятелей «нового искусства». Рассмотренные рассказы Горького вписываются в этот контекст и также обнаруживают тенденцию к синтезу и диалогу разных форм культуры.

В то же время горьковские размышления на литературно-эстетические темы представлены в более упрощенной по сравнению с символистами, фольклорно-сказочной форме (об этом свидетельствуют образы обитателей мира пернатых, образ черта и т.п.). Это сближало рассказы Горького с провинциальной журналистикой и беллетристикой, и также было рассчитано на массового демократического читателя. Кроме того, нужно отметить схематизм и невысокий художественный уровень отдельных произведений («О черте», «Еще о черте»).

Вряд ли можно говорить, что в своих произведениях о литературе Горький воплотил продуманную литературно-эстетическую концепцию. Скорее, речь нужно вести о заостренной постановке молодым писателем проблемы и ее разностороннем рассмотрении, а не об окончательной выработке собственной «положительной» эстетической концепции. Горький с гораздо большей определенностью говорил о том, какая литература для него неприемлема, чем о том, какой она должна быть.

Для начала 1890-х годов характерно возникновение жанровых форм, ориентированных на древние архетипические образцы, получивших название «новые мифы». В таком контексте вполне закономерным для литературного процесса 1890-х годов и в то же время оригинальным явлением оказываются условные произведения Горького («Валашская сказка», «Старуха Изергиль», «Макар Чудра» и др.). Сам писатель давал им подзаголовки «сказка», «легенда», «предание», но их анализ обнаруживает и черты мифопоэтики и интертекста, типологически сходных с мифотворчеством «старших» символистов. Так, например, «сказки» о Ларре и Данко, рассказанные Изергиль, построены по мифологической схеме и по сути являются «новыми мифами». В «Валашской сказке» Горький «играет» с жанрами и интертекстом сказки и баллады, а в «Макаре Чудре» – с преданием и романтической поэмой, интертекстуально включая их в текст произведения. История о Радде и Зобаре, поведанная Чудрой, создана по модели фольклорного предания, с одной

стороны, и романтической поэмы – с другой. Последняя памятна русскому читателю, например, по произведениям А.С. Пушкина, в частности «Цыганам». Однако, молодой писатель соотносит своих цыган не только и не столько с романтическим героем, сколько со сверхчеловеком, стремясь к художественному исследованию этого нового типа личности. В условной прозе Горький вывел несколько вариантов типа сильной личности, но не один из них полностью не удовлетворил его. Здесь были намечены основные черты горьковского сверхчеловека и поставлена, но все же не решена проблема поиска сильной личности.

Хотя по своей природе условные жанры горьковской прозы гораздо ближе модернизму, чем реализму или романтизму, большинство из них стилизовано под фольклор. Фольклорность (сказочность, легендарность) проявляется не только в сюжете и системе героев, но и на уровне микропоэтики – художественного языка. Все это делало их более понятными для широкой читательской аудитории и сближало с массовой литературой. Если учитывать то, что современные ученые усматривают в массовой литературе некий аналог фольклора, то такое сближение становится более понятным и очевидным. В условной прозе Горького можно обнаружить и такую черту, характерную для массовой литературы, как повторяемость приемов. Это особенно четко проявилось в композиции его рассказов. Большинство произведений построено по схеме «рассказ в рассказе», что вообще характерно для раннего творчества писателя. Некоторая стереотипность, шаблонность отличает и его легенды («Легенда о еврее», «Немой», «Слепота любви», «Хан и его сын»). При этом нужно отметить, что хотя произведения Горького и соотносимы с массовой литературой, по своему художественному уровню они все же превосходят ее; не говоря уже о массовой беллетристике, тяготеющей к бульварной литературе, пара литературе.

В календарной прозе писатель продолжает исследование типа сильной личности («Рождественские рассказы», «Извозчик», «Наваждение и др.). В результате он приходит к выводу, что претендент в сверхчеловека, перенесенный из условного мира сказок, легенд и преданий на реальную почву, демонстрирует худшие качества человеческой натуры. Таким образом, можно говорить об эволюции взглядов писателя: если в условной прозе он предполагал возможность обнаружения сверхчеловека в современной действительности, то в святочных рассказах подвер-

гает это серьезному сомнению. Даже Силан – один из главных героев самого «оптимистического» календарного рассказа «На полях» – демонстрирует весьма непривлекательные черты характера.

Создавая свою святочную прозу, писатель значительно отступил от традиции и расширил рамки этого жанра. До него неоднократно пародировались и высмеивались характерные черты святочных рассказов (напр., наивная фантастичность и чудесное духовное преображение личности в произведениях Чехова «Страшная ночь», «Ночь на кладбище», «В рождественскую ночь», «Сон»). Горький же решительно выступил не столько против самой модели жанра святочного рассказа, сколько той его разновидности, характерной для массовой беллетристики, целью которой было стремление разжалобить читателя. Очевидна и внутренняя полемика автора с традицией святочного рассказа, воплощенного в его лучших образцах Достоевским и другими писателями XIX века. Таким образом, в своей святочной прозе Горький более рельефно и остро, чем в рассказах на литературно-эстетические темы, останавливается на проблеме современной массовой беллетристики, фактически делая ее одной из центральных проблем рождественских рассказов. Стремясь продемонстрировать бессмысленность и антигуманность сентиментальных святочных рассказов, писатель пародирует их, создавая новую жанровую модификацию рождественского рассказа.

Рассказы о босяках автор писал на протяжении всех 1890-х годов, поэтому здесь эволюция типа сильной личности наиболее очевидна («Емельян Пиляй», «Челкаш», «Супруги Орловы», «Каин и Артем» и др.). В первых произведениях автор постепенно приходит к мысли о том, что сильная личность, соотносимая с ницшеанским «сверхчеловеком», в условиях российской жизни конца XIX века может появиться лишь в маргинальной среде «бывших людей», и выводит в «Челкаше» очередного претендента в сверхчеловеки – Гришку Челкаша. Однако уже в «Коновалове» намечается авторская разочарованность в герое-босяке, возникает символический образ «тлеющего» человека. В героях последних произведений «босяцкого» цикла – Кувалде («Бывшие люди»), Промтове («Проходимец»), Артеме («Каин и Артем») – явно просвечивают черты сверхчеловека, но сами герои представляют собой скорее пародию на него. Завершает галерею сильных людей Вася Пепел из драмы «На дне». Эволюция

героя-ницшеанца очевидна: от Данко, одного из первых сверхлюдей, осветившего своим горящим сердцем дорогу людям, до «тлеющего» человека Коновалова и Пепла, прозвище которого говорит само за себя. В «На дне» Горький исследует уже не сверхчеловека, поскольку эта тема оказалась исчерпанной еще в «босяцкой» прозе, а человека как такового. Здесь писатель обнажает экзистенциальную сущность современной личности и показывает катастрофичность ее бытия.

Как показал анализ, драма «На дне» является итоговым произведением не только рассказов о босяках, но и всей ранней прозы, поскольку здесь обобщены все основные проблемы, которые были подняты в рассказах 1890-х годов. Кроме того, здесь писатель подводит итог художественного исследования типа сильной личности – центральной проблемы раннего творчества.

Таким образом, раннее творчество Горького предстает как весьма неоднозначное: оно обнаруживает и тяготение к новациям «высокой» модернистской литературы, и черты массовой литературы. С модернизмом произведения писателя роднит стремление к «переоценке ценностей», философская проблематика, связанная с осмыслением типа сильной личности. Кроме того, творчеству Горького присущи некоторые характерные черты поэтики символизма: мифопоэтичность образов (в том числе образа рассказчика и самого автора), мета- и интертекстуальность, важная роль образов-символов и мотивов, импрессионистичность и синестетичность художественного языка. Раннее творчество писателя характеризуется высокой степенью системности и взаимосвязанности, что тоже было характерно для символистской литературы.

Как видим, в раннем творчестве Горького проявились тенденции, характерные для литературы «серебряного века», но их художественное воплощение обнаруживает разнокачественность модернистских текстов и рассказов молодого писателя. Так, Горького, как и символистов, заинтересовало творчество Ницше и образ ницшеанского сверхчеловека. Но если последних привлекало внимание философа к культурно-философским и историческим проблемам, то рассказы молодого писателя способствовали восприятию Ницше как философа, проповедующего право сильного. Это профанировало предтекст и идеи Ницше, но зато делало понятным и притягательным для массового читателя.

В творчестве писателя обнаруживаются и такие черты массовой литературы, как тиражируемость приемов и конструкций, явная риторичность, схематичность отдельных произведений. Однако нужно отметить, что при этом его произведениям не присуще эпигонство, эстетическая вторичность.

Образ сильной личности, чрезвычайно характерный для прозы Горького 1890-х годов, активно разрабатывался массовой литературой (М. Арцыбашевым, А. Каменским и др.), но гораздо позже: в 1900–1910-х годах. Писатели-беллетристы, по сути, выполняли «закрепляющую, шаблонизирующую» функцию, используя темы, проблемы и приемы декадентской литературы [5].

Таким образом, творчество Горького 1890-х годов предстает как весьма самобытное. Совершенно очевидно, что писатель шел в ногу с «высокой» литературой, ставя и осмысливая наиболее актуальные проблемы своего времени. Он не эксплуатировал, как беллетристы начала XX века, «модные» темы эпо-

хи, и тем более не опускался до уровня массовой беллетристики. Как представляется, раннее творчество Горького являет собой «новую» литературу, сознательно ориентированную на самую широкую аудиторию и занимающую особое место в литературе рубежа веков: между сложными произведениями русских символистов, рассчитанными на довольно узкий круг читателей, и массовой литературой, тиражирующей темы, проблемы и мотивы классической русской литературы XIX века и зарождающегося модернизма.

В 1890-е годы происходило становление художественного метода молодого писателя, и в связи с этим сложно говорить о преобладании в его творчестве принципов, соотносимых с каким-либо одним направлением. Как представляется, ранняя проза Горького представляет соединение, зачастую эклектическое, принципов отражения мира, присущих реализму, модернизму и массовой литературе того времени.

Литература

1. Басинский П.В. Максим Горький // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): В 2 т. – М., 2000. – Т. 1. – С. 505–539. **2.** Браун Э.Д. Символическое влияние на «реалистический» стиль Горького // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. – СПб., 1993. – С. 156–175. **3.** Бялик Б. Судьба Максима Горького. – М., 1986. **4.** Гречнев В.Я. Горький-новеллист // Русский рассказ конца XIX – начала XX века. – Л., 1979. – С. 154–196. **5.** Дьякова Е.А. Беллетристы 1900–1910-х гг.: Михаил Арцыбашев, Анатолий Каменский, Анастасия Вербицкая и др. // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): В 2 т. – М. – 2000. – Т. 1. – С. 669–687. **6.** Михайловский Б., Тагер Е. Творчество М. Горького. – М., 1969. **7.** Надозирная Т.В. Ранняя проза М. Горького (сказки, легенды) // Вісник Харківського універ-

ситету. – № 572. Серія філологія. – Вип. 36. – Харків, 2002. – С. 278–283. **8.** Надозирная Т.В. Писатель – читатель – жизнь: эстетика М. Горького на страницах его ранней прозы // Вісник Харківського університету. – № 631. Серія філологія. – Вип. 41. – Харків, 2004. – С. 239–243. **9.** Надозирная Т.В. О некоторых особенностях мотивной структуры рассказов М. Горького о бояках 1890-х годов // Вісник Харківського університету. – № 659. Серія філологія. – Вип. 44. – Харків, 2005. – С. 212–215. **10.** Скабичевский А.И. Сочинения А. Скабичевского: Критические этюды, публицистические очерки: В 2 т. – Изд-во Ф. Павленкова, 1904. – Т. 2. **11.** Удодов А.Б. Феномен М. Горького как эстетическая реальность: генезис и функционирование (1880-е – начало 1900-х годов). – Воронеж, 1999.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется раннее творчество М. Горького. Показывается его специфика и близость литературе русского модернизма и массовой литературе.

SUMMARY

The Maxim's Gorky early prose is analyzed in the article. Theirs' authenticity and vicinity to the literature of Russian Modernism and belle letters is shown.